

УЧИТЬ НЕ ДЛЯ ШКОЛЫ, А ДЛЯ ЖИЗНИ

Лев Либов,
директор Центра
творческого
развития
и гуманитарного
образования —
«Школы
иностраных
языков»

Обстоятельства сложились так, что я посетил один из самых престижных цехов «Урайнефтегаза» — цех «Лукойл ЭПУ Сервис». Меня, человека, далёкого от техники, поразило то, что я увидел. Люди здесь — свободные, раскованные, сосредоточенные, как в научной лаборатории, полные достоинства. Каждый знает: без оборудования, которое идёт отсюда к нефтяным скважинам, и капли нефти не поднимешь из глубины недр. Новейшая техника и технология. Цех олицетворяет постиндустриальную экономику на урайской земле. Спрашиваю начальника цеха:

— Чья технология — наша, русская?

— Учились у американских специалистов, они ездили к нам, мы — к ним. А теперь могу твёрдо сказать: технология — наша, а главное — мы превзошли своих учителей.

В этом цехе не «вкALLYвают», не «горбАтятся», не «пашут». Живут, работая, применяя свои знания, интеллект, интуицию, опыт.

Конечно, вывести на дисплей качественные изменения самой личности рабочего человека довольно сложно. На такое чудо компьютер не способен, хотя датчики передают всю информацию о качестве ремонта, и с дисплея оператор получает полную картину того, как работает цех. Здесь, в этом цехе, я познакомился с настоящим предприятием XXI века. Понимаю, конечно, что так выглядит не только цех «Лукойл ЭПУ Сервис», но многие современные предприятия, если они действительно модернизированы.

Увидев высокую компьютеризацию труда, учитель не может не задать себе вопрос: смогут ли его ученики, выйдя из школы, овладеть столь высокой технологией? Очень немногие. Разрыв между школой и жизнью годами не только не сокращается, но становится всё более опасным.

Века и тысячелетия прошли с тех пор, как древние греки провозгласили девиз образования: «Учитель не для школы, а для жизни». А мы всё учим фактически для школы — на отметки, на аттестаты, на медали, учим для того, чтобы дети поступали в вузы. А там начинается снова: отметки, дипломы, сертификаты — внешняя, показная сторона, которая интересует и деканат, и ректорат, и большинство студентов. Отметка становится имманентной чертой, определяющей сущность личности.

Учить «для жизни», с моей точки зрения, — это учить трудовому усилию в обстановке свободы, учить получать наслаждение, духовное удовлетворение от того, что сделал, что узнал и хочешь узнать. Если у человека нет такого наслаждения с детских лет, он обречён: он уже никогда не испытает чувство глубокого духовного удовлетворения, занимаясь любым трудом, наукой, чтением, никогда не будет «духовной жаждой томим». А значит, не выпрямится во весь свой человеческий рост, не испытает чувство гордости за себя, за свою культуру, за интересного автора, открывшего перед ним ещё одну сторону бытия.

Истинное наслаждение — это когда приятно сердцу и уму, когда настроение приподнято и ты испытываешь наслаждение «мозговым» существованием. Часто ли и многим ли нашим учащимся доступна эта радость, которую дают само познание, сама включённость в дело?

Но без этого нет пути к «практическому интеллекту» — к конкретным знаниям, нужным для жизни. От таких знаний школа далека, а должна дышать не только «академическими» науками, но и тем, чем живёт современная индустриальная экономика.

Постиндустриальная техника — технология — труд настоятельно *диктуют новую направленность образования.*

К сожалению, международный проект «Образование — труд — техника», разрабатываемый в течение нескольких десятилетий как непрерывно развивающаяся теория образо-

вания для жизни, мало популярен в нашей стране. Между тем он вызван самой жизнью: новыми технологиями, процессом научно-технического развития, компьютеризацией и автоматизацией производства. В этом проекте, начало которому положили шведские учёные ещё в 70-х годах XX века, раскрывается новый научный смысл труда, техники, технологии образования. Триада «Образование — труд — техника» обретает новый глубокий смысл. Под оболочкой старых, как мир, слов скрыты совершенно новые проблемы. Цепочка «школа — цех — техника» в советское время рассматривалась как ряд, в котором виделся переход от школы к цеху, от цеха — к технике, то есть от знания — к труду, от труда — к высокой технике, к новой технологии. И это, конечно, важно в процессе учения для жизни. Но триада шведского проекта «Образование — труд — техника» — это синкретический ряд, гораздо более широкий и глубокий.

Речь идёт о том, чтобы найти и определить эффективные способы передачи знаний от одного поколения к другому в XXI веке, формы передачи знаний не только в процессе образования — в школе, но и в процессе труда — в цехе, в процессе овладения техникой, в творчестве. Речь об эффективности разнообразных средств передачи знаний, о том, каким формам отдать преимущество. Компьютерам? Электронной технике? Было бы ошибкой считать, что переориентация образования заключается в компьютеризации. Может стать роковой ошибкой ориентация только на электронную технику и забвение таких форм, как передача умений и навыков, приобретённых веками, отказ от передачи опыта и мастерства людей, от опоры на «скрытые знания» — воображение, интуицию, инсайт.

«Главный нерв» переориентации образования в условиях постиндустриального общества, безусловно, в его научно-организационном обеспечении. С первого взгляда в таких цехах, как «Лукойл ЭПУ Сервис», всё делает компьютер, а рабочие используют свои руки и умения только тогда, когда наводят чистоту — со шваб-

рой в одной руке и с ведром — в другой. Но это не так. В сервисном цехе всё делает человек, его «практический интеллект».

Заостряя камень до тончайших образцов резца, человек добивался того, что инструмент «умнел» и вместе с ним рос интеллект и разумение самого человека. Но не «тупеет» ли он сейчас, делая всё умнее и умнее не себя, а компьютер?

Компьютер не может осмыслить особенности внутреннего мира человека, он не способен к эмоциональному восприятию мира. Это общеизвестно. Компьютер может разрушить диалог «учитель — ученик», который, по мировоззрению восточных мудрецов, по всему историческому опыту, — основа преемственности поколений и прогресса. Случись такое — и нарушится контакт между людьми, их общение, обмен знаниями будет разным, коллективный опыт, уровень коллективной компетентности, ответственности, да и авторитет самого человека, который перенесёт и ответственность, и авторитет на компьютер. Даже оценка результатов труда работников всецело отдаётся компьютеру. Под силу ли ему оценить интеллект, культуру, нравственность, толерантность, компетентность, профессионализм человека? Одна надежда: машина всё исправит.

Профессиональное взаимодействие между людьми — решающий фактор в труде. Между тем если вы зайдёте в некоторые учреждения и предприятия, вы увидите, как разделяют людей стенки корпусов компьютеров. Настоящий «железный» занавес! А в педагогических коллективах? Учителя всё больше и чаще отделяются друг от друга стенами кабинетов, школы ещё реже общаются для обмена опытом. И всё более увеличиваются изоляция, замкнутость педагогических «фирм». Рождается целое поколение детей, для которых «лучшим другом человека» стал компьютер, порою наносящий вред не менее, чем наркотик и алкоголь.

По счастливому случаю мне удалось общаться с одним из носителей «практического интеллекта» — инженером «Урай-энергонефти» Тимуром Закирзяновым.

Специальность у него интереснейшая: он — инженер первой категории по вибродиагностике, и работа его заключается

в том, чтобы замерять вибрацию вращающегося оборудования, например, электродвигателей, неисправность которых может грозить серьёзными последствиями. Он также производит замер температуры любого объекта на расстоянии... до двух километров. С помощью уникального шведского тепловизора «THERMAKAM P695», например, можно издалека обнаружить дефекты линий электропередач. Понятно, чем грозят разрушение изоляторов, короткое замыкание и т.д. Данные диагностики, которой занят Тимур, переносятся на компьютер и он, как инженер, анализирует их, обобщает и передаёт информацию, где и что немедленно надо исправить. Он, человек, осмысливает ситуацию, а не компьютер, он рекомендует, принимает решения, он думает, используя то, что ему «подсказывает» компьютер.

— Компьютер, — говорит Тимур, — это лопата, она помогает вырыть яму, помогает ускорить трудовой процесс — ведь яму можно копать и различными приспособлениями, менее удобными и производительными, чем лопата. Главное для Тимура — мозг человека.

Важнейшая проблема передачи и усвоения знаний в самом широком смысле — дихотомия: понимание и объясне-

ние. Мне кажется, что эта проблема наукой не осмыслена. Чтобы учить для жизни, нужно обращаться к самой жизни. Все наши знания оттуда, все наши умения — от резца до космического корабля — из прошлого, ориентирующегося на любопытство, любознательность, воображение, интерес к знаниям. А эти качества всё больше и больше уходят из школы. Одной из причин тому, что теряется интерес к знанию, я бы назвал «казус Санчо Пансо»: на просьбу отгадать загадку он говорил: «Прежде чем загадывать загадку, ты скажи мне отгадку». Надо, чтобы дети искали вопросы и многие ответы на них в самой жизни, а не в учебнике. А у нас под прессом огромной информации в детях умирают «почемучки». И давит на одних, забросивших учебники и учёбу, «тяжесть лёгкой жизни», и обрушивается на других, стремящихся иметь пятёрки, каменной глыбой такая огромная информация, что им остаётся только терпеть и «выживать». У многих детей отсутствует желание знать, «что нужно узнать?». Сократовская формула: «Чтобы узнать что-нибудь, надо знать, что ты хочешь узнать» — не устарела... Но уже на школьной скамье мы заполняем головы ребят «теорией», ослабляя тем самым их практический интерес. Необходимо преодолеть разрыв между теоретическим и практическим интеллектом учащихся. Они должны ещё в школе прийти на производство не для того, чтобы наблюдать, стоя за спиной работающих, прийти не на скоротечные экскурсии.

В политехнизации школы советского периода было немало хорошего. В политехнизации были и ростки профессиональных знаний, развивались и теоретические, и практические знания, умения и навыки учащихся, было и восприятие опыта старших поколений. Но всё это тоже не вело к освоению триады «Образование — труд — технология», к продуктивному обучению. У меня складывается, может быть, субъективное мнение: американцы взяли у нас то, что было в глубинном содержании политехнизации

ции, перевернули всё с головы на ноги и стали открывателями «продуктивного обучения» («Productive Learning»). Там оно возникло ещё в 70-е годы, а теперь ширится и распространяется в десятках стран, в том числе и России.

Первым образовательным проектом «продуктивного обучения» был проект нью-йоркской школы «City-as-School» (CAS), школы «без стен»: школой становится весь город. Основное учебное время учащиеся проводят на стажировках, там получают возможность в «ситуациях реальной жизни» окунуться в теоретические, практические и ознакомительные категории приобретения знаний. К каждому учащемуся прикрепляется тьютор. Он определяет ресурсы сети стажировок, следит за успехами, организует групповое обсуждение результатов, а уже в самой школе с его участием определяется выбор академических занятий. При этом, поскольку CAS — школа государственная, учебный план включал все основные образовательные предметы.

Школьники в этих условиях входят в реальный мир, и каждый из них имеет «индивидуальный образовательный маршрут», который включает стажировку, групповые занятия, обсуждения результатов. Эти результаты выражены в достижениях каждого ученика — достижениях настоящих, когда учащийся даёт реальный продукт своего труда и обучения. Таким образом, образовательным продуктом становится не оценка учителя, а реальный продукт, произведённый учеником.

Выдающийся философ Симон Франк писал о том, что человек, познающий саму жизнь, активно стремится расширить круг познания. Он считал: чтобы осуществить познание, одного духовного напряжения недостаточно — «самый акт осуществления познания есть чистый дар, обретаемый личностью «извне». Наша теперешняя школа строится на одном «духовном напряжении». Философия С. Франка, с моей точки зрения, и даёт осмысление девиза древних греков: учиться не для школы, а для жизни.

Школа, которая считает главным качеством знаний, но не даёт реального продукта, — бесплодна, она остаётся ущербной, потому что её выпускник не может ориентироваться в «предметном бытии». А внутренний мир и «предметное бытие» составляют то общее, что мы можем назвать жизнью.

В идее «школы без стен», где учащиеся познают жизнь как за партой, так и во всех сферах деятельности общества, возможно, и кроется тайна того общего, что мы называем «школой для жизни». Продуктивное обучение, безусловно, занятий в школе не отменяет. Но они могут ограничиваться и тремя днями. В общем, соотношение занятий в школе и за её стенами определяется в каждой конкретной ситуации, в каждой школе, в каждом городе.

Нечто близкое есть и в нашем опыте. В одном из выпусков журнала «Народное образование» (1993, № 5) опубликована статья «Новая модель школы», в которой я делаю попытку осмыслить возможность перевести все школы на занятия в одну смену без построения новых зданий. И кроме ответа на вопрос «чему и как учить», даю ответ на вопрос: «где учить». Мне казалось, что можно ликвидировать двухсменное занятие. Я предлагал классно-урочные занятия ограничить тремя днями в неделю.

Для многих учителей, детей «продуктивная школа» — иллюзия или утопия. Но разве менее утопична проводимая

школами дифференциация, которая сводится к «профилированию» обучения уже с седьмого класса, когда учащиеся, как верно замечает знаток теории и практики «продуктивных школ», директор Института продуктивного обучения РАО Марк Иванович Башмаков, оказывается в «прокрустовом ложе»? С седьмого класса школьник либо насильственно «укорачивается» как биолог или географ, либо «растягивается» как математик или филолог. А ведь именно в этом возрасте допускаются первые ошибки в выборе профессии, в определении своих наклонностей, идёт переоценка ценностей. Но прокрустово ложе на четыре года определяет и класс, и интересы!

Это как раз тот случай, когда принуждение маскируется под гуманизм, когда «счастливое детство» организуется и контролируется сверху, подавляя свободу детей, подлинное развитие их интересов.

К сожалению, рынок коснулся школы не лучшей своей стороной. Он мало что изменил в отношении свободы учащихся. Если дети не имеют свободы в развитии своих способностей, они и не познают, что такое подлинная свобода. Она не означает право делать, что хочу. Скорее всего не делать того, что не хочу, но при этом, подчиняясь правилам, традициям: моя свобода кончается там, где я нарушаю свободу другого. Учёный Фридрих фон Хайек, лауреат Нобелевской премии, считает, что именно ограничения, накладываемые традицией, сделали возможной цивилизацию, но традиции не осуществляются насильем, принуждением. Они потому и традиции, что являются результатом «спонтанного порядка». Термин, который

ввёл Хайек, и выражает основу свободы, конкуренции.

Нам сегодня очень нужна новая школа. Но не созданная в одночасье, путём скороспелых «инноваций».

Школа не выдержит потрясений, экспериментов над детьми и учителями. Понадобится длительный путь перехода от школы, которая жила в одних условиях, к другой школе, которая и сохранит преемственность, и откроет двери новому. Шаг назад, два шага вперёд — только так, и никаких кавалерийских наскоков! Рядом с той школой, которая должна уйти, должно начаться строительство школы продуктивного обучения. Эту работу начали мы 10 лет назад. В Центре творческого развития и гуманитарного образования — «Школе иностранных языков для детей» учителя и ученики занимаются переводами классиков мировой поэзии с иностранного языка на русский и с русского на иностранные языки. Образовательным продуктом школы стали сборник стихов, интервью, публицистика. Это — интеллектуальная продукция обучающихся и работающих в школе.

Будущее человечества — и технологичное, и гуманитарное общество. Возможности одного не исключают и другого. Образование, труд и новейшая технология — материальная основа культуры, гуманизации и свободы. Развивая образование, мы совершенствуем и труд, и технику, и технологии, и самих людей. Так что продуктивная школа, на мой взгляд, — это трудный, но единственный путь модернизации образования не для школы, а для жизни.

г. Урай Тюменской обл.